

4 Бялявіна, В. М. Жаночы касцюм на Беларусі / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. – Мінск : Беларусь, 2007. – 351 с.

5 Бубенько, Т. С. История и материальная культура Витебска (X–XIII вв.) / Т. С. Бубенько [и др.] – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2003. – 150 с.

6 Мальдзіс, А. І. Як жылі нашы продкі у XVIII стагоддзі / А. І. Мальдзіс. – Мінск : Лімарыус, 2001. – 383 с.

УДК 811.161.1'23'27:811.111'23'27

В. И. Маккомб

ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ЦВЕТОВОСПРИЯТИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Данная статья посвящена раскрытию проблемы гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа в области восприятия цвета среди носителей русского и английского языков. В статье рассматривается влияние родного языка на восприятие цвета, а также описываются закономерности при наименовании цветов среди носителей русского и английского языков.

В современном мире все больше внимания уделяется вопросам межкультурной коммуникации. Для полноценной коммуникации люди должны владеть не только иностранными языками, но и глубоко понимать культуры других народов. Актуальным остается вопрос о влиянии родного языка на мышление человека. Попытка понять роль языка в формировании мировосприятия личности отображается в гипотезе лингвистической относительности.

Гипотеза лингвистической относительности – это теория двух американских ученых, Эдварда Сепира и Бенджамина Ли Уорфа, разработанная в 1930-х гг. Сначала Сепир утвердил в своих работах, что «Мы видим, слышим, и иначе воспринимаем происходящее в значительной степени» [1, с. 210]. А затем Уорф, вдохновившись идеями Сепира, сформировал следующую мысль: «Картина мира меняется от языка к языку» [2, с. 6].

Таким образом сформировалась их общая идея – гипотеза «Лингвистической относительности», или гипотеза «Сепира-Уорфа». Главная ее идея состоит в том, что «люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир, по-разному мыслят» [3, с. 10]. Гипотезу Сепира-Уорфа неоднократно опровергали, находили контраргументы, приводящие к утрачиванию ее значимости. Однако в своем исследовании мы опираемся на нее, исследуя ее постулаты в области восприятия цвета.

Путем письменного опроса, в котором приняло участие 149 респондентов, мы исследовали, в каких цветовых категориях мыслят представители русскоязычной и англоязычной лингвокультур, и описали те закономерности, которые наблюдались при наименовании представленных респондентам цветов среди этих групп населения.

В начале опроса респонденты заполнили данные, касающиеся их пола, возрастной категории, высшей ступени их образования и определения их родного языка. Затем последовали вопросы-отсечки на определение отсутствия дальтонизма (рисунки 1–3), которые определили релевантность дальнейших ответов респондента. Эти три рисунка были выборочно избраны из теста Ишихары для диагностики дальтонизма. Рисунок 1 и 2 определяют наличие у респондента красно-зеленого дефицита цветовосприятия. Рисунок 3 дополнительно определяет наличие протанопии или протананомалии (при отражении у респондента лишь цифры “6”) и дейтеранопии или дейтераномалии (при отражении у респондента лишь цифры “2”) [4].

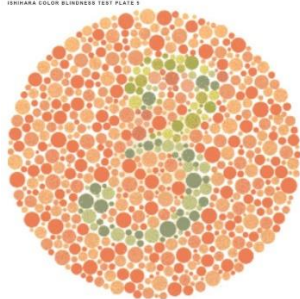

Рисунок 1

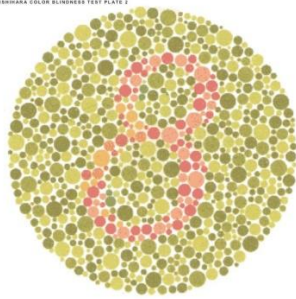

Рисунок 2

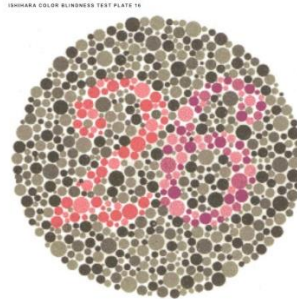

Рисунок 3

Если респондент ответил правильно на вопросы, его дальнейшие ответы засчитывались в исследовании. Если респондент неправильно ответил на вопросы, его дальнейшие ответы не засчитывались в исследовании. Затем респондентам были представлены картинки, изображающие определенные цвета (рисунки 4–14). Респондентам предлагалось указать название цвета, который они видели в свободном варианте ответа. Ответы опрошенных, учитывая их родной язык, дали нам понять то, как влияет родной язык на восприятие цвета в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах.

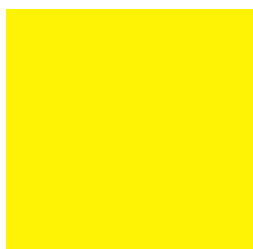

Рисунок 4

Рисунок 5

Рисунок 6

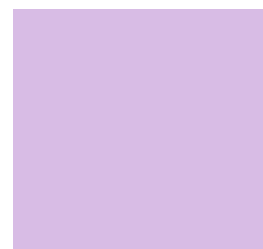

Рисунок 7

Рисунок 8

Рисунок 9

Рисунок 10

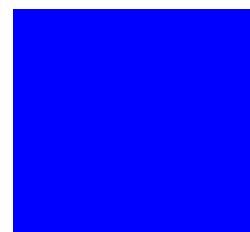

Рисунок 11

Рисунок 12

Рисунок 13

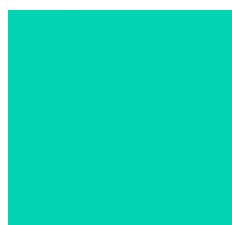

Рисунок 14

Мы решили проверить актуальность гипотезы в области цветовосприятия, поделив наших респондентов на две группы: первая группа состояла из носителей русского языка, вторая – из англоговорящих носителей. Далее мы будем отсылаться на эти группы следующим образом: русскоязычные носители – *первая группа*, англоязычные носители – *вторая группа*.

Таблица 1 – Наименования с наибольшим количеством ответов

	Первая группа	Вторая группа
Рисунок 4	Желтый (90 %)	Yellow (86 %)
Рисунок 5	Зеленый (95 %)	Green (90 %)
Рисунок 6	Бирюзовый (57 %)	Teal (45 %)
Рисунок 7	Сиреневый (34 %)	Lavender (45 %)
Рисунок 8	Персиковый (57 %)	Peach (55 %)
Рисунок 9	Салатовый (35 %)	Green (18 %) / lime green (18 %) / light green (18 %)
Рисунок 10	Голубой (95 %)	Sky blue (36 %)
Рисунок 11	Синий (87 %)	Blue (40 %)
Рисунок 12	Фиолетовый (91 %)	Purple (86 %)
Рисунок 13	Темно-зеленый (69 %)	Dark green (36 %)
Рисунок 14	Бирюзовый (46 %)	Turquoise (18 %)

Итак, результаты нашего опроса среди первой и второй групп позволили нам сделать следующие выводы.

Возникли трудности при наименовании цветов, изображенных на рисунках 6, 7, 8, 9, 13 и 14, у респондентов из первой группы. Наименования с наибольшим количеством ответов отображены в таблице 1, однако вариаций в ответах встречалось много во всех этих рисунках. Таким образом можно дополнительно отметить, что помимо того, что цвет, изображенный на рисунке 7, 34 % респондентов назвало «сиреневым», 24 % респондентов назвало «лиловым», а 17 % – «лавандовым». Цвет, изображенный на рисунке 9, 35 % респондентов назвало «салатовым», в то время как 14 % респондентов назвало «оливковым» и 14 % – «фисташковым».

Возникли трудности и при наименовании цветов, изображенных на рисунках 6, 7, 9, 10, 11, 13 и 14, у респондентов из второй группы. Можно отметить, что цвет, изображенный на рисунке 9, называли тремя цветами в равной степени, а именно – 18 % респондентов назвало “green” (зеленый), 18 % респондентов называли “lime green” (зеленый лайм), а 18 % – “light green” (светло-зеленый). Цвет, изображенный на рисунке 10, 36 % респондентов называли “sky blue” (небесно-голубой), 32 % респондентов назвало “blue” (синий), а 23 % – “light blue” (светло-голубой). Цвет, изображенный на рисунке 11, 40 % респондентов называли “blue” (синий), 27 % респондентов назвало “royal blue” (королевский синий), а 23 % – “dark blue” (темно-синий). Цвет, изображенный на рисунке 13, 36 % респондентов называли “dark green” (темно-зеленый), 23 % респондентов назвало “forest green” (лесной зеленый), а 23 % – “green” (зеленый). Цвет, изображенный на рисунке 14, 18 % респондентов называли “turquoise” (бирюзовый), а 14 % – “teal” (темный бирюзовый).

Множество вариаций ответов среди первой группы встречались за счет того, что употреблялись следующие слова и морфемы для описания цветов, представленных на рисунках 4–14: *ярко, светло-, темно-, бледно-, нежно-, пастельно-, пыльно-, тускло-, мягко-, теплый, пудровый, (цвет)-о-(цвет), (цвет)-атый*.

Множество вариаций ответов среди второй группы встречались за счет того, что употреблялись следующие слова для описания цветов, представленных на рисунках 4–14: *bright (яркий), light (светлый), dark (темный), neon (неоновый), pastel (пастельный), muted (приглушенный), baby (подобный малышу), deep (глубокий), nauseous (вызывающий тошноту), royal (королевский), lemon (лимонный), forest (лесной), Tiffany (Тиффани), Kelly (Келли), hunter (охотничий), seafoam (морская пена), mint (мятный), pistachio (фисташковый), sage (подобный шалфею), pear (грушевой), olive (оливковый), emerald (изумрудный)*.

Подводя итоги, можно отметить, что восприятие цвета не очень отличается среди носителей английского и русского языков, однако имеет некоторые особенности. Даже незначительные расхождения в понимании таких базовых понятий, как названия цветов, могут понести за собой некоторые последствия в сфере межкультурной коммуникации и международного сотрудничества, например, в области продаж, дизайна, искусства и т. п.

Так, наименование цветов, представленных на рисунках 4–14, носители английского языка склонны употреблять описательные слова, обозначающие свойство цвета (light [светло-], dark [темно-] и др., или прилагательные, описывающие цвета, которые вызывают ассоциации с чем-либо (напр. forest green). Носители русского языка также употребляли слова, обозначающие свойства цвета (светло-, темно-) либо прилагательные, которые произошли от существительных (сиреневый, персиковый и т. д.). Наименование цветов варьируется в соответствии с нормами каждого конкретного языка, однако цвета, представленные респондентам в исследовании, воспринимались практически одинаково в обеих лингвокультурах.

Литература

- 1 Sapir, E. The Status of Linguistics as a Science / E. Sapir // Language. – 1929. – Vol. 5, № 4. – P. 207–214.
- 2 Whorf, B.L. Language, thought, and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf / B. L. Whorf // The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology. – 1959. – 302 p.
- 3 Абдурахманова Н. Г. Гипотеза «Лингвистической относительности» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – Волгоград : ООО «Институт стратегических исследований», 2015. – № 9-2. – P. 8–11
- 4 Ishihara, S. M. Ishihara's Tests for Colour-Blindness. / S. M. Ishihara // Tokyo: Kanehara & Co. – 1987. – 41 p.

УДК 94:357.5:327.5((47+57):430)«1941»

Д. В. Печёнка

СОВЕТСКИЕ МЕХАНИЗИРОВАННЫЕ КОРПУСА В КОНТРУДАРЕ ПОД ЛЕПЕЛЕМ В 1941 ГОДУ

Статья посвящена контрудару 5-го и 7-го механизированных корпусов 20-й армии 6–11 июля 1941 года. Характеризуется состояние корпусов накануне контрудара. Далее рассматривается сам контрудар, действия танковых и моторизованных дивизий обоих корпусов на своих направлениях, их отступление под натиском немецких войск и потери после контрудара. Установлены причины неудачных действий советских войск в рамках контрудара.

5 июля 20-я армия получила задачу уничтожить главную группировку противника, наступающую из Лепеля, что позволяло бы выиграть время для подготовки обороны на создаваемом рубеже по р. Днепр [1, с. 193]. Для осуществления контрудара было решено привлечь 5-й и 7-й механизированные корпуса. 7-й механизированный корпус состоял из 14-й и 18-й танковых дивизий. 5-й механизированный корпус состоял из 13-й и 17-й танковых дивизий, и 109-й моторизованной дивизии. В 5-м механизированном корпусе было следующее количество танков: 13-я танковая дивизия – 367 танков, из них 17 КВ и Т-34; 17-я танковая дивизия – 387 танков, из них 16 КВ и Т-34. 109-я моторизованная дивизия – 13 танков БТ-7 и 100 БТ-5, из них 45 машин были не исправны [2, с. 45–46]. Как пишет генерал-лейтенант и командующий Западным фронтом А. И. Еременко, в 5-м механизированном корпусе в бой могли вступить 655 танков. В 7-м механизированном корпусе было 715 танков БТ-7 и Т-26. Итого, по сведениям А. И. Еременко, к началу контрудара было 1370 танков, которые могли вступить в бой [2, с. 46]. Противовоздушная оборона корпусов была слабой из-за недостатка средств. Боевые действия сильно осложнялись лесисто-болотистой местностью.